
VIKTORIYA SHENDRYK

***A THEORETICAL MODEL OF FUNCTIONING
OF INDIVIDUAL'S SOCIAL STATUS***

Authors affiliation. *Viktoriya SHENDRYK (vika.shendrik.94@mail.ru), Belarus State Economic University (Minsk, Belarus).*

Abstract. The article describes a theoretical model of the functioning of the individual's social status in changing social relations, presented in the form of a self-organizing system that maintains dynamic balance and stability. Based on this model, a system, structural-functional approach to the structuring of social reality is applied.

Keywords: theoretical model; individual; social status; sociocultural environment.

UDC 101.1 : 316.66

*Статья поступила
в редакцию 29. 06. 2021 г.*

Д. И. НАУМОВ

***СОЦИАЛЬНАЯ ПАМЯТЬ В КОНТЕКСТЕ
МУЛЬТИКУЛЬТУРАЛИЗМА***

Исследуются теоретические и практические аспекты мультикультурализма, рассматриваемого в качестве особого проекта организации этнокультурных процессов и социальных структур в условиях глобализации. Основная цель статьи заключается в определении функциональной роли социальной памяти в жизни современного общества, которое характеризуется как гетерогенное, урбанизированное, транснациональное и мультикультурное. В качестве методологического основания исследования выступает культурно-семиотический подход к феномену социальной памяти, представленный концепцией Яна Ассмана. Основные положения концепции немецкого ученого рассматриваются в контексте оценки теоретических оснований и практической реализации мультикультуралистского проекта в развитых странах мира. Выявлено, что противоречивая природа мультикультурализма проблематизирует функционирование институциональных и социокультурных средств социальной памяти, что может создать проблемы для обеспечения социальной интеграции общества на постиндустриальной стадии развития.

Ключевые слова: социальная память; мультикультурализм; культурно-семиотический подход.

УДК 101.3 : 316.7

Дмитрий Иванович НАУМОВ (cedrus2014@mail.ru), кандидат социологических наук, доцент кафедры социальной политики и идеологии Академии управления при Президенте Республики Беларусь (Минск, Беларусь).

Введение. Современный этап развития человечества характеризуется интенсификацией глобализационных процессов, эпифеноменом которых является мультикультурализм как особый тип организации социокультурных процессов и социальных структур в новых исторических условиях. Появление данного социального феномена предполагает необходимость адекватного понимания сущности и природы бытия такого общества, выявления его объективных и субъективных детерминант, факторов конфликтогенного развития. Это актуализирует определение и оценку параметров взаимного влияния социальной памяти и мультикультурализма, рассматриваемых в качестве специфичных социальных феноменов.

Концепт «мультикультурализм» характеризует комплекс представлений о том, что человечество на постиндустриальной стадии развития должно приветствовать и интегрировать культурные различия как во имя достижения социального равноправия, так и в целях искоренения любых проявлений в современных условиях расизма, рабства и неокOLONиализма. Для этого необходимо предоставить представителям всех этнических меньшинств гражданские и политические свободы, создать условия для включения в доминирующее культурное поле элементов культур иммигрантов из других стран и регионов посредством предоставления работы, распространения на них социальных прав и уничтожения дискриминационных барьеров.

Однако в реальности мультикультурализм представляет собой амбивалентный социальный феномен. С одной стороны, он является проектом политической интеграции полиэтнического сообщества на универсальной идеологической платформе, в основании которой находятся нейтрально трактуемые в культурном плане права и свободы человека. С другой стороны, это продукт имплицитной ассимиляции различных этнических сообществ, возникающий в условиях глобализации в наднациональных рамках.

Объектом данного социально-философского исследования является мультикультурное общество, а предметом исследования — социальная память. Соответственно цель исследования заключается в определении функциональной роли социальной памяти в жизни современного общества, характеризующегося как гетерогенное, урбанизированное, транснациональное и мультикультурное. Социальная реальность в таком обществе приобретает противоречивый характер, что обусловлено одновременностью протекания таких процессов, как социокультурное нивелирование глобального социума при одновременной ревитализации культурно-исторических особенностей и традиций локальных сообществ. Данный аспект определяет задачи исследования, заключающиеся в определении эвристического потенциала как культурно-семиотического подхода в целом, так и теории социальной памяти Яна Ассмана в частности. Методологическим основанием данного исследования является культурно-семиотический подход к феномену социальной памяти, основные теоретические положения и методы исследования которого рассматриваются в контексте оценки теоретических оснований и практической реализации мультикультуралистского проекта в развитых странах мира.

Основная часть. В идеально-типическом аспекте категория «социальная память» может быть представлена «как трансцендентальное свойство социума, относящееся к априорным условиям постижения Другого и опосредованное через особую феноменологическую рецепцию, которая реализуется, с одной стороны, в формах бытия социальной памяти, отражающих модальные вариации отношений между прошлым и будущим, а с другой — в герменевтическом подходе, позволяющем представить и интерпретировать содержание социальной памяти в знаковых системах» [1, с. 46]. В более детализированном плане она характеризует совокупность институциональных и социокультурных средств, осуществляющих отбор и преобразование актуальной социальной

информации в ретроспективную информацию, обеспечивающую социальную интеграцию сообщества. В содержательном аспекте основной целью данного феномена является сохранение и межпоколенческая передача исторически накопленного культурного опыта, выступающего как квинтэссенция коллективных когнитивных и поведенческих стандартов. Фактически социальная память представляет собой разнородную совокупность ретроспективных представлений, групповых и семейных нарративов, этнических мифологем, социальных ритуалов, культурных практик, идеологических дискурсов и т. д., которая характеризуется структурной и смысловой сложностью. Природа социальной памяти, взаимосвязанность и взаимообусловленность ее компонентов, их аффективность и полисемантичесность объясняют проблематичность концептуализации данного феномена и существенные различия в трактовках социальной памяти, представленных в разных теоретических подходах.

С точки зрения культурно-семиотического подхода социальная память рассматривается как культурный продукт, который имеет текстовую природу и представлен совокупностью канонических текстов и способов их декодирования. Социальная память в этой трактовке (Я. Ассман, А. Ассман, Й. Рюзен, Ю. М. Лотман и др.) обозначается как надиндивидуальное семантическое и семиотическое образование. Она выступает как составная часть пространства семиосферы и фактор, функционально необходимый для социальных коммуникаций в пространстве и времени. Это некоторое пространство размещения знаков и символов, для нормального существования которого необходимы как универсальные правила их записи и чтения, так и индивиды, способные раскрывать их утилитарные и символические значения. В такой трактовке социальная память выступает как опосредованная знаковыми системами реконструктивная форма сохранения исторического прошлого. При этом оно в любой момент может быть актуализировано в политических, идеологических, познавательных и образовательных целях.

Социальная память в обществе аккумулируется и транслируется посредством средств массовой коммуникации, создающих общие смысловые рамки для индивидуальных и коллективных траекторий социально-исторического бытия. В общем культурном пространстве социума память образует различные смысловые поля, которые генетически и функционально взаимосвязаны. Она пластична и обладает способностью исторически изменяться, формируя в сообществе различные типы представлений о прошлом. При этом общество «стабилизирует свою идентичность посредством реконструкции собственного прошлого. «История памяти» анализирует значение, которое настоящее придает событиям прошлого, именно придает, а не выявляет» [2, с. 99]. Это позволяет рассматривать прошлое в качестве коллективно сформированного (или коллективно прожитого) феномена, который оказывает влияние как на конструирование идентичности самого индивида, так и на формирование и трансформацию коллективных идентичностей.

Типичным примером культурно-семиотической трактовки социальной памяти является теория Яна Ассмана, который рассматривает данный феномен в качестве своеобразного резервуара смыслов, необходимых для сохранения целостности и историчности социального бытия. В структуре социальной памяти он выделил два составных элемента, различающихся между собой содержательно и функционально, — культурную память и коммуникативную память. С точки зрения немецкого исследователя культурная память позволяет обеспечить культурную фиксацию и символическую репрезентацию определенных моментов в историческом прошлом сообщества. В качестве инструментов для этого процесса используются канонические тексты, культурные практики, устойчивые объективации, коммеморация и символические кодировки. Культурная память характеризуется сакральностью, мифологич-

ностью и определенной символической закрытостью для профанов. Это предполагает наличие как особых границ, для преодоления которых необходимо подтверждение своей компетентности или принадлежности к посвященным, так и специально подготовленных носителей культурной памяти (эксперты, священнослужители, учителя, ученые, писатели и др.).

Коммуникативная память является особым типом коллективной памяти, которая имеет специфичную природу появления и развития. Она формируется в контексте межличностного взаимодействия в повседневной жизни, непосредственного социального опыта и личных воспоминаний. Типичным примером здесь выступает память поколения, которая «возникает во времени и проходит вместе с ним, точнее со своими носителями» [3, с. 52]. Коммуникативная память имеет временный, преходящий характер, она является продуктом определенного социально-исторического контекста. Существование коммуникативной памяти как реального социального феномена неразрывно связано с конкретными хронологическими рамками социального бытия соответствующего носителя. Воспроизводство и ретрансляция коллективной памяти возможна только в едином интерсубъективном поле поколения, как специфичной социальной группы, самоидентификация которой связана со значимыми историческими событиями. Как подчеркивает О. Т. Лойко, «социальная память, с принудительной необходимостью возникающая в коммуникации, позволяет всем субъектам, активно участвующим в этом процессе, находиться в общем «ментальном поле», что значительно усиливает эвристические возможности общения, формируя общую мнемическую ауру» [1, с. 51]. Носителями коммуникативной памяти, которая имеет персонифицированный характер, являются все участники социальной группы, которые ее формируют, артикулируют и поддерживают.

Ситуация схождения поколения с исторической арены для коммуникативной памяти означает радикальную трансформацию, которая перестает быть живым полем смысловых интерпретаций и превращается в предмет специализированных историографических и политических интерпретаций и реконструкций. В результате она постепенно трансформируется в другой тип социальной памяти. В связи с этим продолжительность существования феномена коммуникативной памяти исследователь определяет в 40 лет. Выход за эти временные рамки означает изменение статуса личных воспоминаний, которые становятся основанием для формирования нового этапа письменной традиции сообщества. В этом процессе они лишаются уникальных особенностей и приобретают универсальный характер, становясь основанием для стандартизированных мифологем национальной истории.

Итак, в отношении сущностных характеристик различных типов социальной памяти, как считает Ян Ассман, фундаментальное различие между коммуникативной и культурной памятью «связано с различием между повседневностью и праздником, между профанным и сакральным, между эфемерным и прочнообосновывающим, между частным и общим, и что это различие как таковое имеет свою историю» [4, с. 61]. Поэтому по-разному конституируются социальные рамки различных типов социальной памяти: коммуникативная память воспринимает прошлое и настоящее как единое смысловое целое, не разделенное никаким временным разрывом, в то время как культурная память предполагает институционализацию, дистанцирование от мира повседневности и устойчивые объективации посредством канонизации исторического прошлого.

Ян Ассман в качестве модели, описывающей качественную специфику обеих форм социальной памяти, их функциональную взаимосвязь в пространстве культуры определенного социума, предлагает шкалу с пятью основными параметрами измерения [4, с. 58]. В данном случае представляется целесообразным соотнести данные параметры с идеологией и практикой реализации мультикультуралистского проекта в развитых странах мира.

Первый параметр измерения — содержание, который показывает, что коммуникативная память характеризует исторический опыт в рамках индивидуальных биографий, а культурная память — мифическую предысторию, событие вне реального исторического контекста и в абсолютном прошлом. При этом Ассман дифференцирует культурную память на «горячую» и «холодную», различие между которыми заключается в отношении к актуализации исторического прошлого в настоящем с целью регулирования темпов социальных изменений. Так, «холодная» опция культурной памяти о прошлом от общества «требуется воспрепятствовать вторжению истории» [4, с. 72], в то время как «горячая» память «не только измеряет прошлое как инструмент хронологической ориентации и контроля, но и извлекает из обращения к прошлому элементы своего представления о себе, а также точки опоры для своих надежд и целей» [4, с. 83].

Как представляется, практика мультикультурализма фактически обеспечивает доминирование «горячей» памяти, ведь она выдвигает на историческую авансцену ее носителей из числа ранее дискриминируемых групп (этнические, религиозные и субкультурные меньшинства, низкостатусные социальные группы, диссиденты и т. д.). Однако выяснилось, как подчеркивает В. А. Шнирельман, что у представителей «этих групп имелись свои представления как о прошлом, так и о современном мире. На сцене появились альтернативные версии истории, вступившие в активный и очень непростой диалог как друг с другом, так и с общепринятыми представлениями» [5, с. 102]. В результате появления альтернативных исторических нарративов, генерируемых представителями различных меньшинств, социальная память превращается в гетерогенное и конфликтогенное пространство.

Второй параметр — форма существования вида социальной памяти. В данном случае коммуникативная память неформальна, слабо оформлена, возникает в межличностном взаимодействии, существует в пространстве повседневности. Одновременно культурная память официально учреждена, в высокой степени регламентирована и формализована, существует на основе ритуальной коммуникации и праздника. Как полагает М. Озуф, функционально праздник нацелен на усиление интеграции сообщества, он должен сделать «социальные узы несомненными, вечными, нерушимыми» [6, с. 18].

Однако мультикультурализм отрицает статичный характер культур и сакрализацию культурных традиций, он утверждает возможность того, что индивиды могут иметь разные и взаимно дополняющие друг друга идентичности. Для мультикультурализма характерна абсолютизация права человека на любые формы самовыражения и способы проявления своей индивидуальности. С точки зрения мультикультурализма любые культуры интерпретируются как целостные и эссенциалистские по своей природе феномены, не зависящие от каких-либо инструментов создания или изменения культурных традиций и идентичностей. Социокультурная специфика мультикультурализма состоит в том, что он находится «в постоянном поиске интеграционного модуса современных национальных обществ» [3, с. 64], пытаясь их адаптировать к постоянно изменяющимся условиям жизни в глобальном обществе. При этом, как отмечает Г. Терборн, он «может делать акцент на поддержке выживания и аутентичности уже существующих культур, например, исконных для данной территории этнических культур, либо может быть ориентирован преимущественно на поддержку культурного разнообразия независимо от его долговечности и аутентичности» [7, с. 65]. Подобный плюрализм мультикультурализма, постулирующего необходимость защиты культур в условиях современного государства, которое политически индифферентно к этнокультурному измерению социальных процессов, на практике приводит к возникновению атомизированного пространства повседневности. Однако в нем коммуникативная

и культурная память оказываются под постоянным негативным воздействием как социальных, так и субкультурных и контркультурных факторов.

Третий параметр — средства передачи социальной памяти. Так, коммуникативная память передается посредством личностного воспоминания в органической памяти, непосредственного опыта и устных рассказов, она отличается пластичностью и субъективностью. В то же время культурная память нуждается в устойчивых объективациях, традиционной символической кодировке / инсценировке в слове, образе, танце и пр. Подобная ритуализация культурных воспоминаний «обеспечивает единство группы во времени и в пространстве» [4, с. 60], а также структурно и содержательно обеспечивает сохранение ментальной матрицы культурной памяти.

Вместе с тем средства передачи социальной памяти не существуют в отрыве от индивида, который является продуктом социализации в определенной культурной среде, обуславливающей личностное отношение как к видам социальной памяти, так и к средствам их трансляции. Можно предположить, что для типичного представителя западного индивидуализированного общества, основанного на рационалистическом социальном активизме, в качестве приемлемой и ожидаемой объективации культурной памяти будут выступать практики и ритуалы гражданской религии. В то время как для представителей этнических меньшинств, для которых характерны собственные нормативно-ценностные системы, фактически отрицающие индивидуалистические форматы социального бытия, приемлемыми будут традиционные религиозные практики и ритуалы. Следует подчеркнуть, что функционально они существенно различаются между собой: если первые обеспечивают национальное или политическое единство сообщества, то вторые формируют закрытые и высокоинтегрированные конфессиональные группы, существующие автономно в пространстве мультикультурного общества. Как итог, специфичная модель социальной интеграции на основе «мультикультурализма, провозгласившего защиту от культурной и религиозной дискриминации, а также право на сохранение и развитие культуры в пределах обособленных этнокультурных групп, инкапсулированных в национальное общество» [8, с. 254].

Четвертый параметр — временная структура, характеризующая период существования социальной памяти. Так, коммуникативная память существует на протяжении 80—100 лет, временной горизонт распространяется на 3—4 поколения (при этом темпоральные рамки сдвигаются вместе с современностью). При этом культурная память — это абсолютное прошлое мифической древности, идеализация гипотетического «золотого века» конкретного сообщества, слабо соотносящаяся с реальной исторической фактологией.

Однако, если актуализировать проблему межпоколенной трансляции социальной памяти, реализация проекта мультикультурализма в области иммиграционной политики создала определенную проблему. Как показал опыт европейских стран, это привело к тому, что вместо притока квалифицированных кадров, способных конкурировать с коренными европейцами на рынке труда, континент стал получать все большее количество претендентов на получение социальных пособий. При этом иммигранты, большинство из которых относится к молодежи, стали концентрироваться в экономически депрессивных регионах, создавая во всех мегаполисах и крупных городах своеобразные гетто. Они не демонстрируют желания интегрироваться в принимающее общество и ресоциализироваться, что не только усиливает негативные последствия в социальной, экономической, культурной сферах стран ЕС, но и стало представлять угрозу сохранению традиционного европейского этнонационального и ценностного ландшафта. В итоге данная ситуация позволяет констатировать провал проекта мультикультурализма как инструмента выравнивания жизненных шансов мигрантов и коренного населения. Так, А. В. Веретевская утверждает, что

в «европейских странах инициативы, прямо или иносказательно именуемые «мультикультурализмом», изначально не имели задачи максимально полноценно включить все культурные группы в процесс определения общего блага и интегрировать общество вокруг этого определенного посредством широкого полиформатного диалога компромиссного блага, что предполагалось бы при действительном использовании мультикультурного подхода» [9, с. 159].

Пятый параметр — носители социальной памяти. В данном случае коммуникативная память характеризуется неспецифическими носителями, в роли которых выступают современники определенной общности, фиксирующие события настоящего и сохраняющие в памяти события прошлого. Однако, как пишет Ян Ассман, в «противоположность общераспространенной причастности к коммуникативной памяти, причастность к культурной памяти всегда дифференцирована» [4, с. 56], поэтому культурная память нуждается в специалистах — носителях культурной традиции, обладающих соответствующей профессиональной подготовкой.

Однако мультикультуралистская идеология и соответствующая ей политика, актуализирующие культурные различия в современном постиндустриальном обществе, фактически элиминирует необходимость экспертного статуса и профессиональной подготовки носителей культурной памяти. Ведь мультикультурализм выступает как специфический критический дискурс, который позволяет сегрегированным сообществам добиваться расширения своего влияния в социуме. Соответственно артикулировать имплицитно конструктивную роль этнокультурных различий в отношениях людей (что нацеливает на переосмысление и переоценку исторического опыта в сторону синтеза различных историко-культурных традиций в современном обществе) могут не столько эксперты, сколько активисты различных общественных движений или даже маргиналы контркультурного толка.

Заключение. Таким образом, противоречивая природа мультикультурализма проблематизирует функционирование институциональных и социокультурных средств социальной памяти, что может создать проблемы для обеспечения социальной интеграции общества на постиндустриальной стадии развития человечества.

Литература

1. Лойко, О. Т. Социальная память в контексте философской дескрипции / О. Т. Лойко // Ценности и смыслы. — 2013. — № 6 (28). — С. 44–53.
2. Богданов, В. В. Социальная память / В. В. Богданов, О. А. Фоменко, А. В. Байлов. — Майкоп, 2015. — 160 с.
3. Куропятник, А. И. Мультикультурализм: идеология и политика социальной стабильности полиэтнических обществ / А. И. Куропятник // Журн. социологии и соц. антропологии. — 2000. — Т. III. — № 2. — С. 53–66.
4. Ассман, Я. Культурная память: Письмо, память о прошлом и политическая идентичность в высоких культурах древности / Я. Ассман. — М. : Языки славян. культуры, 2004. — 368 с.
5. Assman, Ja. Kul'turnaja pamjat': Pis'mo, pamjat' o proshlom i politicheskaja identichnost' v vysokih kul'turah drevnosti [Cultural memory: Writing, memory of the past and political identity in the high cultures of antiquity] / Ja. Assman. — M. : Jazyki slavan. kul'tury, 2004. — 368 p.

5. Шнирельман, В. А. Социальная память и образы прошлого / В. А. Шнирельман // Новое прошлое / The New Past. — 2016. — № 1. — С. 100–129.
Shnirel'man, V. A. Social'naja pamjat' i obrazy proshlogo [Social memory and images of the past] / V. A. Shnirel'man // Novoe proshloe / The New Past. — 2016. — N 1. — P. 100–129.
6. Озуф, М. Революционный праздник. 1789–1799 / М. Озуф. — М. : Языки славян. культуры, 2003. — 416 с.
Ozuf, M. Revoljucionnyj prazdnik [Revolutionary holiday]. 1789–1799 / M. Ozuf. — M. : Jazyki slavjan. kul'tury, 2003. — 416 p.
7. Терборн, Г. Мультикультурные общества / Г. Терборн // Социол. обозрение. — 2001. — Т. 1. — № 1. — С. 50–67.
Terborn, G. Mul'tikul'turnye obshhestva [Multicultural Societies] / G. Terborn // Sociol. obozrenie. — 2001. — T. 1. — N 1. — P. 50–67.
8. Куропятник, А. И. Интеркультурализм: постмультикультуральный дискурс социальной интеграции / А. И. Куропятник, М. С. Куропятник // Вестн. РУДН. Сер. Социология. — 2018. — № 2. — С. 250–261.
Kuropjatnik, A. I. Interkul'turalizm: postmul'tikul'tural'nyj diskurs social'noj integracii [Interculturalism: the post-multicultural discourse of social integration] / A. I. Kuropjatnik, M. S. Kuropjatnik // Vestn. RUDN. Ser. Sociologija. — 2018. — N 2. — P. 250–261.
9. Веретевская, А. В. Мультикультурализм, которого не было: Анализ европейских практик политической интеграции этнокультурных меньшинств / А. В. Веретевская. — М. : МГИМО-Университет, 2018. — 180 с.
Veretevskaja, A. V. Mul'tikul'turalizm, kotorogo ne bylo: Analiz evropejskih praktik politicheskoj integracii jetnokul'turnyh men'shinstv [Multiculturalism, which was not: An analysis of European practices of political integration of ethno-cultural minorities] / A. V. Veretevskaja. — M. : MGIMO-Universitet, 2018. — 180 p.

DZMITRY NAUMAU

**SOCIAL MEMORY IN THE CONTEXT
OF MULTICULTURALISM**

Author affiliation. *Dzmitry NAUMAU (cedrus2014@mail.ru), Academy of Public Administration under the President of the Republic of Belarus (Minsk, Belarus).*

Abstract. The article discusses theoretical and practical aspects of multiculturalism, considered as a special project for the organization of ethnocultural processes and social structures under globalization. The main goal of the study is to identify the functional role of social memory in the life of modern society, which is characterized as heterogeneous, urbanized, transnational and multicultural. The methodological basis of the study is a cultural-semiotic approach to the phenomenon of social memory, represented by Jan Assmann's concept. The main provisions of the German researcher's concept are considered in the context of assessing the theoretical foundations and practical implementation of a multicultural project in developed countries. It is revealed that the contradictory nature of multiculturalism problematizes the functioning of the institutional and sociocultural means of social memory, which can create problems for ensuring the social integration of society at the post-industrial stage of development.

Keywords: social memory; multiculturalism; cultural-semiotic approach.

UDC 101.3 : 316.7

*Статья поступила
в редакцию 09. 11. 2020 г.*

Правила оформления статей для подачи в журнал «Веснік Беларускага дзяржаўнага эканамічнага ўніверсітэта»

*Журнал принимает к изданию статьи на **русском, белорусском и английском языках.***

Авторы несут ответственность за направление в редакцию уже ранее опубликованных статей или статей, принятых к печати другими изданиями.

Редакция не взимает плату за опубликование научных статей.

Статьи, представленные лицами, осуществляющими послевузовское обучение (аспирантура, докторантура, соискательство), в год завершения обучения, публикуются первоочередно.

Объем научной статьи, учитываемой в качестве публикации по теме диссертации, должен составлять не менее 0,35 авторского листа (14 тыс. печатных знаков, включая пробелы между словами, знаки препинания, цифры и т. п. — как правило, не менее 8-ми страниц текста (но не более 12-ти), напечатанного шрифтом размером 14 пунктов через 1,5 интервала между строками). Страницы должны быть пронумерованы.

Научная статья должна включать следующие элементы:

введение;

основную часть с таблицами, графиками и другим иллюстративным материалом (при их наличии);

заключение, завершаемое четко сформулированными выводами;

список цитированных источников.

Название статьи должно отражать основную идею ее содержания, быть информативным и по возможности кратким. В заглавиях можно использовать только общепринятые сокращения.

Во введении статьи должна быть сформулирована ее цель (поставлена задача).

Обязательны ссылки на работы, не являющиеся публикациями автора. Ссылки на неопубликованные работы не допускаются.

Иллюстрации, формулы и сноски следует пронумеровать в соответствии с порядком цитирования в тексте.

Список цитированных источников располагается в конце текста, ссылки нумеруются согласно порядку цитирования в тексте. Номера ссылок должны быть написаны внутри квадратных скобок (например [1], [2] и т. д.). Все публикации на русском языке (кроме нормативных документов, архивных материалов, статистических сборников, газетных статей без указания автора, ссылок на сайты без указания конкретного материала) должны сопровождаться переводом *названия* на английский язык (приводится в квадратных скобках).

Сдавая статью в редакцию, авторы представляют:

- 1) распечатку статьи и ее электронный вариант. К статье должны быть приложены дополнительные сведения: индекс УДК в соответствии с классификатором, ключевые слова (5–10 слов или коротких ключевых фраз) на русском и английском языках;
- 2) справку об авторе:
 - а) фамилия, имя, отчество, ученая степень, ученое звание, должность, место работы (учебы) на русском языке;
 - б) имя и фамилия автора транслитерацией в романском алфавите (взять из паспорта);
 - в) электронная почта;
 - г) контактные телефоны;
- 3) выписку из протокола заседания кафедры, включающую рекомендацию об опубликовании;
- 4) для авторов других вузов (НИИ) – рекомендательное письмо руководства своей организации;
- 5) резюме статьи на русском языке (от 100 до 250 слов). В нем должно быть отражено краткое содержание статьи: цели и задачи, методы исследования, краткий вывод. Обязательно следует представить на английском языке название статьи, текст резюме и официальное название организации, в которой учится или работает автор;
- 6) результаты проверки текста на предмет оригинальности при помощи инструмента «Антиплагиат».

Журнал включен в наукометрическую базу данных Российский индекс научного цитирования (РИНЦ)

Индекс журнала

74838

Ответственный за выпуск *Н. П. Беяцкий*
Редакторы *А. В. Зенькевич, А. К. Лапуста*
Компьютерная верстка *А. А. Карнейчик*

Адрес редакции:
220070, г. Минск, просп. Партизанский, 24. БГЭУ, корп. 6, к. 19. Тел. 209-78-84
Электронная почта: vestnik@bseu.by

Подписано в печать: 13.10. 2021.
Формат 70×108 1/16. Печать офсетная. Усл. печ.л. 11,23. Уч.-изд.л. 11,48.
Тираж 93 экз. Заказ

УО «Белорусский государственный экономический университет»
Свидетельство о государственной регистрации издателя, изготовителя, распространителя
печатных изданий № 1/299 от 22.04. 2014.
200070, г. Минск, просп. Партизанский, 26.

Отпечатано на ротапринте БГЭУ. Лицензия полиграфическая № 02330/210 от 14.04. 2014.
200070, г. Минск, просп. Партизанский, 26.
